

Ю.Д. РОДИНА
(Коломна)

**СИНТАКСИЧЕСКИЙ
КОНЦЕПТ «МЫСЛИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» И СПОСОБЫ
ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ
РОМАНЕ А. БЕЛОГО «КОТИК
ЛЕТАЕВ»**

Анализируются способы синтаксической реализации концепта «мыслительная деятельность» в одной из глав автобиографического романа А. Белого «Котик Летаев». Выявляются основные синтаксические схемы, репрезентирующие мыслительный дискурс героя произведения, основой построения которых являются глаголы мышления, понимания, познания, воображения, памяти. Акцентируется внимание на конкретной текстовой реализации выделенных 5 структурных схем в аспекте воспроизведения писателем внутренней жизни индивида.

Ключевые слова: *концепт «мыслительная деятельность», синтаксическая реализация, структурная схема, глагольные лексемы, сознание, память, мышление, бессознательное, способы репрезентации.*

Когнитивная лингвистика – направление языкознания, целью изучения которого являются когнитивные механизмы, репрезентируемые с помощью языковых средств. В качестве центрального понятия когнитивной лингвистики выступает «концепт», составляющий предмет научного интереса представителей разных областей знания: философов, психологов, лингвистов. Обнаружение концептов в художественном тексте проливает свет на понимание литературного творчества [7, с. 24]. Концептуальный анализ позволяет выявить особенности индивидуальной языковой картины мира писателя и представить лингвистические параметры его идиостиля. Концептуальный анализ в художественном тексте представляет собой аналог семантического в связи с использованием в обоих случаях метода толкования значения слов, но цель его состоит в выявлении авторской картины мира, ведущей читателя к познанию действительности через категории, характеризующие познавательную деятельность человека [8, с. 4].

Наш исследовательский интерес связан с автобиографическим романом А. Белого «Котик Летаев», в основе которого лежат воспоминания писателя о своем детстве [1, с. 15]. Композиционно роман состоит из предисловия, шести глав и эпилога. Каждая глава фиксирует ступень роста главного героя, которую автор именует «лестницей моих расширений». В контексте тематического содержания и общего развития сюжета романа все они логично и последовательно служат раскрытию авторского замысла – показать внутреннюю жизнь индивида, его постепенное становление и развитие.

Цель статьи состоит в выявлении и последующем анализе средств синтаксической реализации концепта «мыслительная деятельность» во второй главе романа под названием «Нянюшка Александра», в которой, воплощая полуфантастические картины, открывающиеся сознанию ребенка, Белый черпает материал исключительно из собственных первичных детских ощущений и впечатлений [Там же].

В тексте второй главы «Нянюшка Александра» представляется возможным выделить следующие структурные схемы предложений, реализующие концепт «мыслительная деятельность», основой построения которых служат мыслительные глаголы:

- 1) *становится кто / что / чем / кем (при участии глагола «становиться»);*
- 2) *кажется кому что, представляется кем / чем (при участии глаголов «казаться», «показаться», «представляться»);*
- 3) *кому думалось что (при участии глагола «думаться»);*
- 4) *кто знает что (при участии глаголов «знать», «понимать»);*
- 5) *кто (не) помнит кого / что (при участии глагола «(не) помнить»).*

Под термином *синтаксический концепт* мы понимаем типовую пропозицию с набором словоформ, входящих в структурную схему простого предложения [9, с. 10], под структурной схемой простого предложения – синтаксический знак, означаемым которого выступает типовая пропозиция, условно названная синтаксическим концептом, а означающими являются субъектив и предикатив со своими синтаксическими местами [4, с. 137]. Синтаксические концепты русского языка в виде структурных схем впервые были системно описаны в работе Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой [4].

С целью описания компонентов структурных схем используются местоименные маркеры (*становится кто / что / чем / кем; кажется кому что; представляется кем / чем; кому думалось что; кто знает что; кто (не) помнит кого / что*). Глагольные единицы мышления, понимания, познания, воображения, памяти, в отдельных случаях узость лексического состава, репрезентирующего концепт «мыслительная деятельность», оказали влияние на наименование схемы, в основу которой положена конкретная лексика. Лексическое разнообразие структурообразующего компонента схем свидетельствует о значимости данного концепта в языковой картине мира персонажа романа. Выделенные структурные схемы трехкомпонентны: они представлены субъективом, предикативом и объективом.

Схема 1 «становится кто / что / кем / чем» представлена в тексте второй главы романа следующими примерами: 1) **Становится папа; установится; и уже – протечет: станет паром** (с. 1092)*; 2) **Сроенное стало мне строем: колеся, в роях выколесил я дыру, с ее границей, – трубою, – по которой я бежал** (с. 1093); 3) **Правилом пережитий мне встала тут – нянюшка Александра непосредственно у дыры, у трубы; и – строй наших комнат** (с. 1093); 4) **Оплотневшая тетя Дотя становится: Евдокией Егоровной; она – как бы Вечность** (с. 1094); 5) **Мама становится дамой; и – ходит за папой** (с. 1097).

В лексическом наполнении субъектного компонента данной структурной схемы участвуют имена существительные в именительном падеже (*тетя Дотя, нянюшка Александра, папа, мама*) и субстантивированное причастие в именительном падеже (*сроенное*).

Структурообразующим компонентом схемы «становится кто / что / кем / чем» является предикатив, маркированный глаголами *становится, стало, встала, станет*. В качестве доминанты выступает глагол *становится*, который репрезентирует процесс мыслительной деятельности и имеет значение «обретать состояние, делаться каким-либо постепенно» [6, с. 765].

Третьим компонентом структурной схемы 1 является объектив, в лексическом наполнении которого представлены собственные и нарицательные (отвлеченные и конкретные) имена существительные (*паром, строем, пра-*

вилом пережитий, Евдокией Егоровной, дамой). Объектами мыслей маленького Котика Летаева становятся папа, мама, тетя Дотя (Евдокия Егоровна), нить событий, которую герой пытается удержать в своем сознании.

Мышление Котика связано с построением причудливых образов, зачастую архетипических, отсылающих читателя к древнегреческой мифологии. В частности, становление образа отца связано со стихией огня.

«Огненные» ассоциации, ярко представленные в первой главе романа, где отец именуется *Вулканом, посыпанным лишь для вида черной золой сюртука, огнедышащим папой*, находят свое продолжение и во второй главе, в которой он назван *огнеротым, Гефестом*: 1) **Папа водится редко; он в отсутствии представляется мне огнеротым каким-то** (с. 1092); 2) **Я впоследствии познакомился с греческой мифологией; и свое понимание папы определил: он – Гефест** (с. 1092).

Мифологические аллюзии Котика позволяют ему сохранять связь с Вечностью, Безвременьем, которое напоминает о времени образования сознания младенца. Подобные образы позволяют расширить временные границы повествования. Показателен в этом отношении финал второй главы: *Перечитывая «Историю греческой философии»: «Нечего ее изучать: надо вспомнить – в себе»* (с. 1103).

Обратимся к примерам реализации структурной схемы 2 «кажется кому что; представляется кому кем / чем (при участии глаголов *казаться, показаться, представляться*)»: 1) **И мне кажется: – Афросинья там борется с гадом, приползающим к черному отверстию печки; будет – будет нам гибель...** (с. 1095); 2) **...и мне кажется: две фигуры склонились своими неясными ликами, как два Мавра, – из разлетевшихся складок** (с. 1097); 3) **Среди дня я на них посмотрю – тысячеклещем древнего мира мне немо склонились фигурки; и мне кажется, что у меня за спиной – не стены, а такие же точно миры, как на маленьком лакированном шкапчике: волокнисто-темнеющие, золото-карие...** (с. 1098); 4) **Мне казалось, что они грохотали у нас по ночам; в лабиринте из комнат с толпами...** (с. 1098); 5) **И казалось мне, что стоял перед нами: Золотой Треугольник** (с. 1099); 6) **И – трубочист представляется мне змееногим: извивается в комнатах; тихо пестует мальчиков** (с. 1094); 7) **В более позднем младенчестве этот мир строгих строев (строевая служба моя) представляется мне миром зданий,**

* Примеры из романа А. Белого «Котик Летаев» приводятся по изданию [2] с указанием страниц в круглых скобках.

гамм, рулад, крамеровских этюдов и Черни (экзерсисы Черни вы помните?) (с. 1100); 8) *вдовы же, то есть старые девы (что то же), представляются мне до сих пор... интересами Веры Сергеевны Лавровой* (с. 1100).

Возвратная форма глагола и дательный субъекта в данной структурной схеме воспроизводят мыслительную деятельность как процесс, не связанный с волевыми усилиями субъекта, имеющий произвольный характер. Чувственной составляющей мыслительной деятельности являются ощущения, восприятия и представления, лежащие в ее основе.

Структурообразующим компонентом схемы 2 является предикатив, маркированный глаголами *кажется, представляется*, синонимичными по отношению друг к другу и имеющими значение «являться в мыслях, в воображении» [5, с. 457], тождественными в лексическом отношении глаголам *чудиться, мерещиться*. Объект в анализируемой схеме маркирован творительным падежом (*змееногим; миром зданий, гамм, рулад; интересами*). Котик не только мыслит образами, но и активно начинает создавать их в своем воображении, что напоминает своеобразную киноленту, непрерывность которой возможна благодаря связи каждого кадра с предшествующим. Окружающие предметы быта профессорской квартиры представляются герою враждебными. Так, печка начинает обладать разрушительной силой, являясь прибежищем *гадов* и *змееногого трубочиста*, деревянные фигурки на шкафчике представляются *дикими племенами*. Возникновение различных образов приводит героя к размышлениям. Отсюда закономерно появление номинаций, представляющих собой мыслительные действия персонажа в виде глагольных языковых единиц (*думалось*), в которых выражаются мысли героя отосительно воображаемых картин.

Перейдем к рассмотрению структурной схемы 3 «кому думалось что (при участии глагола *думаться*)»: 1) *Мне думалось: может быть, это он, перегибаясь по трубам, меня выхватил из дыры; и – пронес над огнем...* (с. 1093); 2) *Мне все думалось после: Фундаменталиков – Чемодаников – ай, ай, ай! – поступил, то есть позволил себе своевольно тяжелой поступь: нарочно гремел по паркету* (с. 1101).

Дательный субъекта в указанной схеме актуализирует мыслительную деятельность Котика Летаева как не связанный с волей субъекта процесс. В качестве структурообразующе-

го компонента структурной схемы 3 используется предикатив, маркированный глаголом *думалось* в значении «представлялось».

Многие фразы, которые Котик слышит от окружающих его домочадцев, воспринимаются и понимаются им буквально, т. е. только в прямом значении, что ведет к искажению смысла тех или иных высказываний. Включение в дискурс маленького героя подобных лексических единиц, являющихся нарушениями нормативного словоупотребления, используется автором как прием языковой игры, создания комического эффекта. Например, тяжелая поступь Фундаменталикова-Чемоданикова отождествляется с близким по звучанию, но далеким в смысловом отношении словом *поступок*.

Рассмотренный нами пример не является единичным в романе, таких нестандартных употреблений в тексте немало. Мысли героя связаны с конкретными образами, поэтому переносные значения слов он отвергает. «Свежесть реакций ребенка на взрослую речь называется именно в том, что каждую нашу идюму дети воспринимают буквально» [10, с. 33].

Мыслительная деятельность юного героя направлена на получение какого-либо результата. Во второй главе романа Котик анализирует предметы, сравнивает их, абстрагирует отдельные их свойства с тем, чтобы выявить в них общее, раскрыть закономерности, управляющие их развитием с целью дальнейшего овладения ими.

В этом смысле закономерно появление структурной схемы 4 «кто (знал) знает что (при участии глаголов *знать, понимать*)»: 1) *Старый Гераклитианец – я видывал метаморфозы Вселенной в пламенных ураганах текущего; и я знал очень твердо* (с. 1102); 2) *Я не помню, когда это было; но знаю – прогна-ли мою молчаливую нянюшку* (с. 1095); 3) *Метафоры понимаю я точно* (с. 1096); 4) *Понимал я отчетливо: все они – безобразники: с тяжелой поступью* (с. 1101).

В лексическом наполнении субъектного компонента данной структурной схемы используется личное местоимение в именительном падеже. Структурообразующим компонентом схемы является предикатив, маркированный глаголами *знать, понимать*, которые объединены общим значением «обладать какими-нибудь познаниями, иметь о ком-чем-нибудь понятие» [5, с. 457].

Процесс приобретения знаний, овладения понятиями и представлениями, связанными

с бытом профессорской квартиры и ближайшим окружением Котика Летаева, происходит успешно. На языковом уровне это выражается при помощи соответствующих глагольных номинаций с утвердительным значением.

В тексте романа появляются глагольные единицы с отрицательным значением в том случае, когда мысль героя обращается к другой реальности (ирреальности), связь с которой у него по-прежнему сохраняется. Например: *И, чернея оттуда, зовет он (а кто – я не знаю); и – одиноко подымет гортанный свой голос – повертываюсь: – вместо золотокарега мира – стена: этажерочка (та же!) стоит себе* (с. 1098).

Мыслительная деятельность включает познавательную деятельность и память. Проблема памяти – способности сохранения и воспроизведения в сознании прежних впечатлений, опыта – является одной из центральных в тексте романа. В предисловии к несостоявшемуся переизданию «Котика Летаева» А. Белый писал: «Природа наделила меня необыкновенно длинной памятью: я себя помню (в мигах), боюсь сказать, а – приходится: на рубеже 3-его года (двух лет!); и помню совсем особый мир, в котором я жил» [3, с. 13].

С целью изображения процессов высших психических функций по накоплению, сохранению и воспроизведению знаний и навыков привлекается структурная схема 5 «кто (не) помнит кого / что», представленная глаголом *помнить*. Автор прибегает к активному использованию глагольных номинаций, ибо те в силу своей семантики и грамматических свойств призваны отразить постепенное становление самосознающего «я» героя повести начиная с момента образования его сознания. Данные глагольные номинации иллюстрируют движение мысли, захватившей Котика. Например: 1) *Помню я этот сон: – выбегаю в столовую я, а за мной моя нянюшка с криками: «Обморок»* (с. 1096); 2) *...и объяснение их игрушек перетягивает внимание от во мне живущего мира – к играм, затеянными вне меня; и – создается порог. – Я его помню открытым* (с. 1097); 3) *И голоса я не помню ее; да и права не помню, но – дозирующий облик из теней, углов и простенков, в тускловатой мгле серых стен передо мною встает, как реликвия древности* (с. 1095); 4) *Няни нет уже – утекла: я не помню, когда это было* (с. 1102).

В лексическом наполнении субъектного компонента данной структурной схемы используется личное местоимение в именитель-

ном падеже. Мыслительная деятельность Котика Летаева носит антропоцентрический характер, т. к. именно он является производителем ментального действия.

Предикатив маркирован глаголом (*не*) *помнить* и имеет значение «(не) сохраняться, удерживаться в памяти, (не) забываться» [6, с. 560]. Тема становления символизма, игры в символизацию продолжается: герой не помнит голоса, нрава няни, времени ее ухода из профессорской квартиры, но удерживает в памяти воспоминания об играх, затеянных вне его мира, о реликвиях древности, о древних опытах. Автор сознательно актуализирует стержневые моменты повествования, определяемые проблемой памяти.

Во второй главе «Нянюшка Александра» романа А. Белого «Котик Летаев» способы синтаксической реализации концепта «мыслительная деятельность» главного героя позволяют наблюдать особенности реализации индивидуального сознания личности ребенка. Именно с их помощью репрезентируется внутренняя жизнь индивида, начиная с подсознательных рефлексов и первых пульсаций сознания у младенца, открывающего мир, и заканчивая периодом взросления.

Список литературы

1. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: в 3 кн. М.: Худож. лит., 1989. Кн. 1.
2. Белый А. Полное собрание сочинений в двух томах. М.: АЛЬФА – КНИГА, 2011. Т. 1.
3. Белый А. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. М.: Арабески, 2012.
4. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 2003.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 2000.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2010.
7. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004.
8. Чернова Л.А. Концептуальное содержание рассказа А.П. Чехова «На подводе» // Чернова Л.А., Дубова М.А. Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX–XX вв.: сб. ст. Коломна: МГОСГИ, 2015. С. 4–10.
9. Чернова Л.А. Синтаксический концепт «бытие признака объекта» с авторизованными глагола (по рассказу А.П. Чехова «Невеста») // Чернова Л.А., Дубова М.А. Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX–XX вв.: сб. ст. Коломна: МГОСГИ, 2015. С. 10–18.
10. Чуковский К.И. От двух до пяти. М.: Детгиз, 1963.

* * *

1. Belyj A. Na rubezhe dvuh stoletij. Vospominanija: v 3 kn. M.: Hudozh. lit., 1989. Kn. 1.
2. Belyj A. Polnoe sobranie sochinenij v dvuh tomah. M.: AL'FA – KNIGA, 2011.
3. Belyj A. Sobranie sochinenij. Arabeski. Kniga statej. Lug zelenyj. M.: Arabeski, 2012.
4. Volohina G.A., Popova Z.D. Sintaksicheskie koncepty russkogo prostogo predlozhenija. Voronezh, 2003.
5. Efremova T.F. Sovremennyy tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: Rus. jaz., 2000.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: A TEMP, 2010.
7. Rudakova A.V. Kognitologija i kognitivnaja lingvistika. Voronezh: Istoki, 2004.
8. Chernova L.A. Konceptual'noe sodержanie rasskaza A.P. Chehova «Na podvode» // Chernova L.A., Dubova M.A. Kognitivnaja lingvistika: mirooshhshhenie personazha v russkoj proze rubezha XIX–XX vv.: sb. st. Kolomna: MGOSGI, 2015. S. 4–10.
9. Chernova L.A. Sintaksicheskij koncept «bytie priznaka ob#ekta» s avtorizovannymi glagola (po rasskazu A.P. Chehova «Nevesta») // Chernova L.A., Dubova M.A. Kognitivnaja lingvistika: mirooshhshhenie personazha v russkoj proze rubezha XIX–XX vv.: sb. st. Kolomna: MGOSGI, 2015. S. 10–18.
10. Chukovskij K.I. Ot dvuh do pjati. M.: Detgiz, 1963.

Syntactic concept “mental work” and ways of its implementation in the autobiographical novel by A. Belyi “Kotik Letaev”

The article deals with the ways of syntactic implementation of the concept “mental work” in one of the chapters of A. Belyi’s autobiographical novel “Kotik Letaev”. The article reveals the basic syntactic schemes representing the thinking discourse of the character, the bases of which are the verbs of thinking, understanding, cognition, imagination, memory. The attention is focused on the specific text implementation of the five structural schemes in the aspect of the inner life of the individual as represented by the author.

Key words: *concept “thinking activity”, syntactic implementation, structural scheme, verbal lexemes, consciousness, memory, thinking, unconscious, representation methods.*

(Статья поступила в редакцию 05.02.2018)

НГУЕН МАНЬ ХАЙ
(Москва)

ГРАДУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются способы выполнения именами прилагательными градуальной функции в современном русском языке. Используя в тексте различные компоненты синонимических рядов с градуальной функцией, говорящий сопоставляет и противопоставляет качества, вводит в текст контекстуальные синонимы, обращается к формам оценки имен прилагательных, формам степеней сравнения. Градуальная семантика имен прилагательных связана с категориями сравнения, интенсивности и оценки.

Ключевые слова: *градуальность, градуальная семантика, градуальная функция, гранд-отенок, имя прилагательное, синонимический ряд, интенсификация.*

В современном русском языке наблюдается целый ряд разноуровневых языковых средств, выражающих семантику градуальности и используемых в речи с целью градуирования смысла. Данное соединение языковых единиц вслед за С.М. Колесниковой понимается как функционально-семантическая категория градуальности [24]. По мнению С.М. Колесниковой, «сущность градуальных отношений заключается в передаче меры качества, меры степени, меры действия в сопоставлении с нормой» [13, с. 5]. Градуальность имеет антропоцентрический характер: с ее помощью говорящий (думающий) выражает собственные представления о мере и степени чего-либо, о соотношении между явлениями, предметами, качествами, процессами, поэтому исследование градуальности и градуальной функции различных языковых единиц перспективно в свете антропоцентрической направленности современного языкознания (А.Б. Абрамова (2004) [2], Е.В. Белоглазова (2014, 2016) [5; 6], Ю.И. Горбунова (2005) [7], Н.Н. Горшкова (2004) [8], О.Ю. Инькова (2013) [10], И.А. Исаева (2008) [11], Г.В. Киреева (2010) [12], С.М. Колесникова (1993–2017) [13–24], О.Ю. Мокроусова (2014) [27], Н.А. Нестерова (2005) [29], Н.В. Прекина (2005) [30], Н.В. Рогожина (2005)